

Содержание

Другой подход.....	7
Андрей Максимов , писатель и телеведущий В день смерти мамы я понял, что все равно буду благодарить Бога.....	8
Юрий Арабов (1954–2023), киносценарист Раньше я думал, что христианство не выживет	19
Олег Аполихин , доктор медицинских наук Врач — служить, а не обслуживать!.....	28
Никита Высоцкий , актер, сценарист, режиссер Несвобода — это говорить своему предназначению «подожди».....	36
Олеся Железняк , актриса Я с детства боялась смерти. А сейчас примиряюсь с ней	45
Ольга Остроумова , народная артистка России Когда любовь есть в тебе — она есть в мире, когда ее в тебе нет — ее нет нигде	52
Дарья Донцова , писатель Я не боюсь, что Бог меня накажет. Я боюсь, что я Его огорчу	59
Павел Великанов , протоиерей В самый драматический момент жизни я понял, что надо просто упраздниться.....	70
Алексей Варламов , писатель, ректор Литературного института им. А. М. Горького В детстве на меня напал дикий страх смерти. Тогда и появилась потребность писать	82

- Алексей Осипов**, доктор богословия, профессор
 Московской духовной академии
 Лучше ошибиться, оказав милость,
 нежели погрешить наоборот..... 92
- Николай Лисовой** (1946–2019),
 доктор исторических наук
 Мы плачем и вздыхаем, но тем не менее
 несем свой крест..... 103
- Борис Любимов**, театровед, педагог,
 ректор ВТУ им. М. С. Щепкина
 Нужно уметь чувствовать свою малость
 по сравнению с Божественным творением 111
- Феофилакт**, архиепископ Пятигорский и Черкесский
 Когда на войне казалось, что надежды нет,
 я молчал и прислушивался..... 118
- Андрей Кончаловский**, режиссер
 Самый главный дар в искусстве —
 способность передать любовь..... 125
- Игорь Фомин**, протоиерей
 Любовь — это Бог, который начинает жить
 в твоём сердце..... 134
- Марина Ахмедова**, писатель и журналист
 Каждая командировка для меня —
 это маленькая смерть..... 146
- Максим Соколов** (1959–2023), публицист
 Я тоже приложил руку к безоглядной вере
 начала девяностых в рынок и «светлый путь»... 155
- Алексей Белов**, музыкант, лидер группы
 «Парк Горького»
 Я никогда не любил темную сторону рока..... 163

Другой подход

Как-то беседовал со студенткой журфака о тонкостях нашей профессии. Она спросила: какие качества начинающий журналист должен развивать в себе в первую очередь?

И я ответил — любопытство. И интерес к человеку. Это почва, на которой может вырасти хорошее интервью. А если вам человек не интересен, если вам в принципе люди не интересны, то вам будет очень сложно. У меня есть близкий друг, мой первый учитель в жизни, и после программы он часто мне присылает критические замечания о разговоре: здесь мой собеседник был неточен; здесь поверхностен и так далее. Не берусь судить. Вероятно, он в чем-то даже прав. Просто у меня другой подход. После беседы у меня в памяти может остаться одна история или фраза этого человека, а может просто один взгляд, но для меня этого достаточно, я считаю, ради этого стоило беседовать час-полтора.

Есть такой культурологический тезис: о культуре нужно судить не по провалам, а по вершинам. Русская культура — это Чайковский, Толстой, Достоевский, хотя было и много всего поверхностного и преходящего. Так и в интервью: о собеседнике можно ведь судить по тому, что важного он сделал, а не по тому, в чем он сплывал. Хотя сегодня многие интервью строятся по принципу: сколько раз получится заставить человека сесть в лужу. Мне это не интересно.

*Владимир Легойда,
автор и ведущий программы «Парсуна»
на телеканале «Спас»*

Писатель и телеведущий
Андрей Максимов

В день смерти мамы я понял,
что все равно буду
благодарить Бога

Вместо предисловия:
Первый вопрос ведущего «Парсуны»

Легойда: Я по традиции хочу попросить вас представиться.

Максимов: Поскольку я поклонник вашей программы, я... не то чтобы готовился, но думал над ответом на этот первый вопрос, о том, что самое главное произошло со мной в последнее время. Я написал более пятидесяти книг, и какие-то из них оказывают на меня влияние, какие-то нет. А в последний год я писал роман про двух священников, которые живут в придуманном мной городе под названием Забавино в 2010 году. Один стал священником во время войны, а второй во время путча 1991 года. Они оба люди верующие, искренние, но по-разному относятся к Богу. Я прочел огромное количество книг и открыл для себя отца Иоанна (Крестьянкина), который меня просто перевернул. И думаю, я сейчас представляю собой такого переделанного человека. Потому что работа над этим романом меня сильно переделала. Нет, я как был верующим, так и остался. Но понимание веры, любви, надежды, терпения изменилось.

Если бы вы два года назад спросили меня, что такое вера, я бы сказал: это ощущение себя живущим в присутствии Бога. Но потом я для себя сформулировал: вера — это любовь к людям. Причем не к верующим (это-то просто — любить братьев), а ко всем. То есть понимание, что любой человек достоин твоей любви. Ты можешь любить бездомного? Ты можешь любить человека, который говорит: «Бога нет»? Женщину, которая пришла в храм в брюках? Мне кажется, настоящая, подлинная вера в Бога — это умение любить людей.

У меня в романе есть эпизод, когда люди, которым очень понравилось ходить в храм, решили там выпить — привыкли: где хорошо, там и выпивать. Они просто еще не понимают, что такое вера, что такое церковь, молитва, покаяние... И тут входит священник. Что делать? Первая мысль — прогнать их. Невозможно! Пить с ними — тоже. Тогда он им объяснил, что в храме этого делать нельзя, и пригласил к себе домой. Вот он, мне кажется, любит людей (хотя реакция огромного числа священнослужителей была бы очевидно другой).

Мне кажется, любовь — это невозможность жить без кого-то или без чего-то. Любовь к Родине — невозможность жить без Родины. Любовь к моей маме — невозможность жить без нее. И самое для меня поразительное: она умерла больше десяти лет назад, а я ощущаю ее все больше, а не меньше. Я не сумасшедший, но иногда ловлю себя на том, что иду домой и думаю, как буду ей что-то рассказывать.

Мама когда-то, когда мне было лет шестнадцать, сказала очень важную вещь: «Если ты придешь

домой и скажешь, что убил человека, я не спрошу за что, я буду думать, как тебя спрятать. Потому что если ты убил, значит, было за что». Понятно, что это метафора, понятно, что я никогда никого не убивал. Но такая вера в то, что я хороший, она просто невероятна.

Папа у меня был по главным вопросам. Когда я работал в «Комсомольской правде», мне предложили перейти в иностранный отдел, что в советские времена было равносильно внешней разведке. Но это гарантировало поездки за границу. Я пошел к папе, и он мне сказал: «Сынок, в России надо заниматься культурой». И я начал заниматься культурой. Это как в пьесе Булгакова «Кабала святош» Мольер, когда у него все летит в тартарары, да еще и жена уходит, встает на колени и кричит ей: «Мадлен, а посоветоваться?!» Вот это то, что я обращаю к маме и к папе, потому что они оба всегда были в меня включены — что в пять лет, что в пятьдесят. Не могло быть такого, что я что-то говорю, а им это неинтересно. Наоборот, всегда выслушают и дадут совет. Но никогда на своем не настаивают. И конечно, мне этого очень не хватает — и отцовских советов, и просто возможности с ним посидеть и поговорить. И для своего сына я хочу быть таким отцом.

Мне кажется, что старость — это вычитание удивлений: чем человек старше, тем он меньше удивляется. Ребенок удивляется всему. Как это сохранить? Мама удивлялась всему, она была ребенком до самой своей смерти. Она лежала в больнице

и рассказывала мне потрясающие истории про больных, про врачей. Но как это сохранить? Куда двигаться? Что делать? Это все нужно с кем-то проговорить. Как нужен был бы отцовский совет...

Чем старше, тем жить сложнее. Есть люди, которые это понимают, но им не нужны эти сложности, они уходят из жизни — не умирают, а именно уходят, как известный римский император, сажать капусту. Отлично, дай Бог им здоровья! Но я так не хочу. Я хочу и дальше жить активно. Но чем себя мотивировать?

У меня главный советчик — сын. Во-первых, Андрей Андреевич всю его жизнь всегда знал про меня все. Во-вторых, на самом деле мне кажется, что дети в какой-то момент становятся родителями своих родителей. Они начинают давать очень мудрые советы. Конечно, сын не может стать мне тем, кем был мой отец, но он может стать человеком, который всегда в меня включен и всегда выслушает то, что я ему говорю. То же самое с дочкой.

Зачем нам вообще даны дети? Для того, чтобы мы не забыли про Бога. У детей божественная логика, у нас — социальная. Потом дети начинают расти, и у них остается все меньше божественного. Но изначально они нам даны для того, чтобы мы не забыли божественную логику, чтобы, когда приезжает машина с олигархом, общаться не с тем, кто социально весомее, а с тем, кто интереснее. Если водитель — то с водителем. Дети напоминают нам какие-то очень важные истины, о которых мы забудем, если не будем с ними общаться.

Дети должны быть самостоятельными. Но в самых важных вопросах, мне кажется, они должны доверять родителям. Вот так и в отношении к Богу: ты свободен, но очень Ему доверяешь.

Но если человек верит в Бога, в кого верит Бог? Этот вопрос я задал когда-то своему 19-летнему сыну, и он, не задумываясь, ответил: «Бог верит в человека». Но, как говорил гениальный философ Григорий Померанц: «Бог думает о нас не нашим умом». Это невероятная мысль, очень успокаивающая. Бог верит в человека, хотя и не так, как мы верим в Него. И именно поэтому Ему можно доверять.

Я вот все думаю: почему я никогда не строил карьеру? И не устроил. Не занял никаких должностей, не получил никаких государственных наград и премий. И мне этого не надо. Почему? Ну все же бегают, пробивают себе звания... А просто мне всегда казалось, что на самом деле все в руках Божиих, а Он в меня верит и говорит: ну живешь — и живи, только делай все правильно. Потому что, когда делаешь что-то неправильно, внутри возникает ужасное ощущение. А так — пиши книжки, ставь спектакли, и все будет в порядке.

Самое сложное в вере — соответствовать. И не прятаться. А то думаешь: я, конечно, больших гадостей делать не буду, а какую-то мелочь Бог, может, и не заметит. Но Он все видит. И дело не в том, что Он тебя накажет — только самые глупые родители наказывают детей за каждый проступок. Но я, например, очень боялся, что мой отец перестанет меня уважать. Это для меня было очень важно. То же самое, мне кажется, с Богом: надо постараться

жить так, чтобы Бог тебя «уважал», и понимать, что ты никогда не спрячешься. Нет ничего такого, что Он не увидит. И это очень трудная, но очень дисциплинирующая мысль.

Каждый вечер я молюсь Богу и говорю спасибо за прожитый день. И в день, когда умерла моя мама, я понял, что да, я буду Его благодарить все равно. Потому что, если так случилось, значит, так надо, и, в конце концов, маме лучше, чем мне сейчас. Это я тоскую — она была моим миром, моей опорой, моим всем. Но Бог взял ее к Себе, чтобы ей было лучше. И тогда я понял, что все, что Бог делает со мной — правильно.

Я очень долго не молился. Начал, когда в Москве стали взрывать дома и был момент паники. Я шел на передачу и вдруг понял, что мне не к кому больше обратиться — ни к милиции, ни к кому. А у меня дома беременная жена. И я стал молиться. А потом понял: если я обращаюсь к Богу, когда мне плохо, то как-то нехорошо не обращаться к Нему, когда мне хорошо.

Самая большая свобода — жить с Богом. Мне кажется, Бог дает нам абсолютную свободу. Но я думаю, у каждого человека — и у меня тоже — нет-нет да и возникают какие-то черные мысли. И только Бог помогает мне остаться настоящим, не стать гадом.

Мы поделили весь мир на прекрасных, умных, чудесных взрослых, которые довели мир до того, до чего он дошел, и «придурков»-детей,

которых надо постоянно учить. А это не так. Ребенок — это человек, который живет рядом с тобой. И это человек, равный тебе. Какая твоя задача как родителя? Помогать и защищать. А учить детей ничему не надо, они будут учиться сами — на примере, в разговорах.

Я помню, как мы вышли с сыном из церкви — ему было года четыре — и он сказал: «Какой кошмар!» — «Что случилось?» — не понял я. «Да кошмар какой-то, — говорит. — Взяли человека, распяли на кресте!» И может, в этот момент в него вошел Бог. Я не учил его верить в Бога, не говорил ему: сынок, верь. Разве что один раз очень сильно его наказал, когда он поклялся Богом и обманул.

Мне кажется, мы относимся к детям, как ручей к кувшину, который он должен наполнить водой, чтобы тот был счастлив. А может, не надо наполнять кувшин водой? Может, его надо наполнить квасом или молоком?

У нас родители панически боятся ребенка избаловать и совершенно не боятся его недолюбить. А мне кажется, недолюбить — страшнее.

В проверке жизнью самое тяжелое — оставаться собой. Не поддаваться соблазнам. Я, помню, должен был вести одну программу на хорошем канале, пришел на первую запись, мне дают сценарий, и по нему я должен подойти к человеку и сказать: «Так я не понял, вы спали со своей падчерицей или нет?» Я положил сценарий и сказал: «Я не буду этого делать». Мне говорят: «С ума сошел, это деньги, это слава!» Это действительно были бы и деньги,

и слава, но мне кажется, что в таких ситуациях Сам Господь меня удерживает, и я никогда не раздумываю: есть вещи, которые я категорически не буду делать. Но, конечно, лишаясь каких-то бонусов.

Для меня в детском поведении нетерпимо то же, что и в поведении взрослых: предательство, перетягивание одеяла на себя. Мне когда-то Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что такое интеллигентный человек: он живет, имея в виду других людей. Причем всегда и везде. И когда ребенок поступает по-другому, меня это раздражает. Когда взрослый — тоже. У меня нет никакой специальной оценки детей.

Есть такое слово — «обида». Я стараюсь не обижаться, запрещаю себе обижаться. Считаю, что у меня нет права на обиду. В конце концов, есть вещи, которые входят во взаимоотношения человека с другими людьми, а есть вещи, которые входят во взаимоотношения человека с Богом. И если человек меня обидел — это его отношения с Богом, это не мои проблемы. Но это — теория. А на практике не всегда так получается.

Знаете, однажды, когда моему сыну было лет четырнадцать, мы как-то шли с ним мимо здорового такого мужика, который просил милостыню. И я ему сказал: «Шел бы ты лучше работать». А он: «Я, — говорит, — экстрасенс. Твой сын завтра умрет». Дальше я помню только, как сын оттаскивает меня от этого человека, которого я прислонил к фонарному столбу. Я просто не знаю, что бы с ним сделал. Ребенок потом два дня очень переживал...

Я хочу сказать, когда обижают моих близких, я прощаю, но этот эпизод помню. Я очень потом себя ругал за несдержанность. Думаю: «Что ж такое? Ты говоришь, что людей надо любить, надо жалеть, а сам что делаешь?» Когда тебя самого обижают, гораздо проще простить, чем когда дело касается твоих близких, любимых людей. Да что людей! Гораздо проще пережить, когда тебе наступили на ногу, чем если пнули твою собаку.

Меня научил случай. Однажды на машине меня подрезала девушка. Я помчался за ней, уже прижал... и думаю: «И что?» После этого каждый раз, когда меня подрезают или хамят, я всегда перекрещиваю этого человека и говорю: «Дай Бог тебе доехать, чтобы у тебя все было хорошо». Это меня невероятно успокаивает. Но я прекрасно понимаю: если с кем-то из моих близких опять произойдет что-то такое, я не знаю, как я себя поведу.

На семинарах по общению я всегда спрашиваю: почему Христос не иронизировал? Шутить, может, и шутил, но не иронизировал никогда. Потому что ирония — это способ уколоть и поставить между собой и миром заслон, как бы скрыться от мира. Но Христу не надо было скрываться от мира. Мне кажется, что Он простил всех, и для Него даже вопрос так не стоял. Иисус Христос очень любил мир. И мир просто не мог сделать ничего такого, чтобы Он перестал его любить.

Терять людей — последнее дело. Если есть ощущение, что тебя кто-то предал, надо все выяснить. Мне шестьдесят лет, и я вспоминаю, сколько вокруг

меня было людей. Но мало кто становится твоим альтер эго, становится твоим близким. И если такой человек тебя предал, сделай все, чтобы его понять и чтобы он при тебе остался. А если он действительно сделал что-то такое, что невозможно простить, убедись в этом сам.

Одна замечательная женщина-психолог все время ругалась со своими потенциальными женихами, потому что все они требовали «личного пространства». И вот сидит она на скамеечке с человеком, которого обожает, и он говорит: «Ну вот, опять на мое личное пространство претендуют». И она понимает: «Какой ужас! Опять все то же самое!» Она спрашивает: «Что ты имеешь в виду?» А он: «Не можешь подвинуться? Я сейчас со скамейки упаду». А ведь если бы она не спросила — всё. Надо обязательно понять, что случилось.

Любовь — это когда человек на какое-то время закрывает собой весь мир. Когда тебя ничего, кроме него, не интересует. Если у тебя есть выбор идти на собрание или на свидание и ты идешь на собрание — ты не любишь. Или как было во время Великой Отечественной войны — когда не важно ничего, кроме твоей страны. Мой папа прошел это: ничего не важно — ни раны, ни смерть, Родина закрывает собой все. Что это такое — Ленинградская блокада? Когда нет ничего важнее, чем любовь к своей стране, все, что ты можешь сделать — не отдать город. Мне кажется, что это для нашей страны очень важная метафора любви.

Вместо послесловия:**Последний вопрос ведущего «Парсуны»**

Легойда: Вот представьте, к вам на эфир приходит человек, которого вы давно хотели пригласить, и у вас есть к нему, как вы считаете, самый главный, самый важный вопрос. И вдруг он перед программой просит вас об этом его не спрашивать. А вы понимаете, что без этого весь разговор в принципе не имеет смысла. Где вы поставите точку во фразе: «Спросить нельзя воздержаться»?

Максимов: «Спросить нельзя — точка — воздержаться». Покойный Сергей Юрский рассказывал мне, как он пришел на передачу к одному известному ведущему и сказал: «Вот про это, про это и про это меня не спрашивайте». И это были первые три вопроса, которые задал ведущий. Я так никогда не делаю. Если у тебя есть возможность не обижать человека, его никогда не надо обижать специально. И если он тебя просит чего-то не делать — не надо этого делать.

Легойда: А профессиональные хитрости в такой ситуации для вас допустимы?

Максимов: Нет. Мне вообще кажется, что провести хорошо эфир — это вещь социальная: я проведу хорошо эфир — стану более знаменитым. А желание не обижать — это вещь божественная. Людей вообще лучше не обижать. Никогда.

Кинодраматург

Юрий Арабов (1954–2023)

Раньше я думал,
что христианство
не выживет

Программа вышла в эфир в августе 2020 года

Вместо предисловия:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»

Легойда: Я всегда обращаюсь к гостю с просьбой ответить, может быть, на один из главных вопросов: кто вы? Как вы сегодня на него отвечаете?

Арабов: А помните, у Хармса выходит писатель и говорит: «Я писатель», а ему читатель из зала: «Ты не писатель, ты д***мо», писатель падает замертво. Выходит художник и говорит: «Я художник», рабочий из зала: «Ты не художник, ты д***мо», художник падает. И поскольку я знаю, что это абсолютная правда, я представлю себя так: никто, безусловно, в глубинном смысле никто, который старается быть кем-то, а это значит умереть не таким дураком, каким ты появился на свет.

Человек вообще дурак по сути. Человек верит в легенду о Золушке. Это абсолютно гениальная сказка, она улавливает глубинную психологическую структуру человека. Но это не вера в Бога, это вера в то, что я — Золушка и за это получу

вознаграждение. Я не видел людей, которые в это не верят. Но замуж за принца выходят единицы. Значит, остальные получают что-то другое. И здесь начинается абсолютно темное мистическое пространство.

Конечно, верить в то, что ты будешь вознагражден за свои добрые дела, может только человек, который вообще не понимает культурных основ мира и, в частности, христианства. Нет, ты не будешь вознагражден за добрые дела, за добрые дела тебя будут бить, и бить сильно, может быть ногами... Может быть, с тобой сделают то, что делают со святыми — просто пробьют голову, и ты еще проживешь какое-то время. А могут и прибить к доскам — это вполне реально.

Но как трудно это принять! Нам кажется: вот, я дам нищему пять копеек и в своих глазах буду духовным Наполеоном, буду учить других духовности, хотя знаю, что любой сейчас тоже может поучить меня духовности. Это не самоуничтожение, это реальность. У каждого человека, как и у каждого народа, свой опыт богопознания. Можно, конечно, спорить, насколько он полный или ущербный. Естественно, мы, христиане, верим, что наш опыт наиболее полный.

Так что не умереть дураком — это не верить в сказку о Золушке. Делать добро не потому, что будешь вознагражден, а по каким-то другим причинам.

Конечно, самое трудное в этом мире — это борьба со страстями и частичная победа или хотя бы ничья. Основа страстей, как вы знаете, гордыня и самость. А самость присуща человеку просто

биологически, поскольку ему надо выживать в сложных условиях, а как он может выжить без самости? Я уже старый, видел и знаю жизнь разную. Сейчас она стала значительно комфортнее, что ж так много жалоб, что жить тяжело? Обычно об этом рассуждают отъездившие довольные люди в хороших дорогих костюмах. Ну, ребята...

А самость, она все равно движет страстями, поскольку страсти — это метод удовлетворения самости. И надо их ограничить, поскольку наши страсти наносят ущерб другим людям и окружающей среде. И если хотите, оскорбляют Бога.

Иеще: не умереть дураком — это значит избавиться от веры, что человек создан для счастья. Человек не создан для счастья. Но жизнь без радости — это оскорбление Бога и природы. Да, счастье невозможно, поскольку есть смерть, и причем не только далеких, но и близких. Счастье невозможно, поскольку есть болезнь, а болеет и умирает человек всегда в одиночестве — и это очень страшно. У меня есть опыт умирания от болезни, и я могу вам сказать: умирающим не позавидуешь... Но мы достойны радости. А принимать мрачный вид оттого, что есть смерть и болезнь, — оскорбление Творца.

Мы — любимое создание Бога, и это нужно всем помнить. И знаете, один индийский мудрец — не христианский, но присматривавшийся к христианству, — сказал: «Богопознание есть любовь к ближнему минус желание». Хорошо ведь сказал?

А что такое «минус желание»? Это значит, мы человека не используем. Это, конечно, ограничение страстей, потому что наши страсти говорят,

что человека обязательно нужно использовать: не случайно есть «полезный человек» и «вредный человек». Использовать можно в сексуальном смысле, в практическом — да в любом!

Вот как мы любим? Человек в большинстве случаев любит отражение самого себя. Почему мы так любим детишек? Это же, как нам кажется, отражение меня — что на самом деле глубокая ошибка. А еще мы можем с ними сделать все, что пожелаем. Поэтому, кстати, кошечек и собачек мы любим больше. Вы считаете, это любовь? Нет, это что-то другое. И все упирается в самость, которую пытались — иногда успешно, иногда безуспешно — нащупать психоанализ. Но терапии это не поддается.

Фрейд сильно ошибся, считая, что причины неврозов — неудовлетворенное сексуальное желание: современная жизнь полностью его опровергла. Причина неврозов — удовлетворенное сексуальное желание. Вы видите, как враг ускользает? А Фрейд велик тем, что определил, что тяга к удовольствию есть тяга к смерти. И в этом плане он абсолютно соединяется с христианством.

Наша жизнь есть дерзание и подвиг отчаяния. Допущение существования Бога при том зле, которое царит на земле, — в этом есть благородство и масштаб отчаяния. Или масштаб надежды.

Для меня то отчаяние, о котором я говорю, — это прежде всего протест против социального устройства, которое предполагает карьеризм, насилие, просто ряд крайне сомнительных вещей. И я говорю: нет, я назло вам буду поступать иначе. Не оттого, что я святой, не оттого, что верю

в добро — может, я в добро и не верю, — а просто мне это отвратительно. И в этом мое отчаяние.

Любовь — это дар, это как талант, как музыкальный слух. Можно абсолютно не отличать одной мелодии от другой, и можно быть человеком, абсолютно лишенным любви. Тогда, я думаю, все превращается в некий обряд, который сам по себе неплох, просто от него всегда можно отойти, например, потому, что ты испытываешь отвращение к человеку из другой страны, который вдруг в православном храме перекрестился... по-католически, как его учили. Это бывает сплошь и рядом. А когда есть любовь, тогда есть и терпение, и вера, и надежда.

Терпение — для меня это прежде всего терпение собственной судьбы. А под судьбой я подразумеваю и физическую немощь, которую очень трудно терпеть, но приходится. Терпеть приходится и то, что мне не нравится в других людях, их неприятную изнанку. Кстати, ведь права человека и современная европейская толерантность — это все социальная адаптация Нагорной проповеди. Только они все отвернулись от этого, стараются забыть, и в этом, в частности, причина того, что это превращается в профанацию. А ведь это корни европейской цивилизации, да и американской тоже.

Но я буду терпеть другого человека, который не сходится со мной взглядами. Мне кажется, я буду терпеть даже человека, который пытается причинить мне откровенное зло. Хотя я, наверное, скажу ему об этом и попрошу этого не делать. Но для

меня это легче, чем причинить этому человеку физическое или моральное зло.

Нельзя, конечно, быть пряником, который лезет ко всякому в рот, — тогда тебя очень быстро съедят. Но я уверен, если мы подразумеваем не только в себе, но и в другом человеке образ Божий, то мы уже его любим и поэтому вынуждены его терпеть.

Впрочем, терпеть убийство нельзя, терпеть насилие не рекомендуется, равно как терпеть извращение и оскорбление Бога, в том числе внутри себя — здесь очень тонкая грань. Вот почему толерантность часто превращается в профанацию терпимости.

Толстой слишком уж все сводил к простоте. А блистательность этого мира в том, что он сложный. И творчество — и научное, и художественное — разгадка этой сложности. У Эйнштейна, который был «странноверующим», есть такое выражение: «Бог хитроумен, но не жесток». Оно говорит о том, что он тоже размышлял об этих проблемах, тоже, видимо, занимался богопознанием и, исследуя материальную сторону мира, создал теорию, как материальность переходит в иноматериальность и вообще исчезает. И это очень интересно.

Так вот, это богопознание нашего мира для меня очень важно. Но моя личная проблема состоит в том, что это очень часто не сочетается со смирением и с терпением, а русский человек нетерпелив.

И я ужасно нетерпелив и вспыльчив, и это мой минус. Но меня чуть-чуть утешает то, что я хотя бы это понимаю. А в детстве ничего не понимаешь.

Мама не дала игрушку — ты рыдаешь, конец света! Папа запил и сказал неприятное слово маме — это больше, чем конец света, я даже не знаю, что это такое! Это от отсутствия ощущения объема этого мира и собственного объема. Так что моя цель — умереть чуть-чуть умнее, чем я есть сейчас и чем был раньше. Но будет ли достигнута эта цель, я не знаю.

Мы живем в радости. Потому что Господь велик и мир прекрасен, и человек часто тоже не только отвратителен, но и прекрасен. Прекрасны произведения искусства, прекрасно богословие, прекрасно человеческое подвижничество, прекрасна научная деятельность, которая, я думаю, в какой-то не столь уж далекой точке сольется с богопознанием. Остатки природы, которые не успели уничтожить, прекрасны. Океан, если в нем нет свалок, прекрасен. И быть неблагодарным Богу за такой подарок, как человеческая жизнь, — это какая-то высокая степень зла.

Никто же не может сказать, почему мы здесь. На этот вопрос отвечает только христианство, и то частично. Но оно, во всяком случае, рассматривает жизнь как подарок, и я считаю, что это абсолютно справедливо, это действительно подарок. Карл Юнг в работе «Ответ Иову» пишет, что цели Бога в человеке — собственное познание, познание Своей глубины, что через нас Он познает Свое творение, а следовательно, Самого Себя. Я не знаю, насколько это богословская мысль. Но я думаю, что это весьма глубокое, хотя и спорное утверждение. И это точно очень смелая художественная мысль.